

Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб.: Алетей, 2007 (Серия “Византийская библиотека. Исследования”). 624 с., 3 карты, генеалогическая таблица, 74 илл.

Новая книга С.П. Карпова – итог 35-летних исследований. Уже сама постановка проблемы требовала от автора решения нелегкой задачи выбора жанра труда и соответствующей ему композиции, чтобы обеспечить сочетание исследовательского аспекта с изложением истории Трапезундской империи (далее: Т. и.) с 1204 до 1461 г.

Книга состоит из восемнадцати глав, пространныго введения (с. 5–33), включающего постановку проблемы, обозрение источников и историографии и сжатую характеристику природных условий трапезундского региона, и краткого заключения (с. 493–496). Обширен служебный аппарат монографии: хронологическая таблица истории Т. и. (с. 497–500), генеалогическая схема династии Великих Комнинов, список облеченных властью персон, начиная со стратигора фемы Халдия до императоров Т. и., а также православных и католических князей церкви, венецианских байло и генуэзских консулов в Трапезунде.

К книге приложены три карты: “Причерноморье в XIII–XV вв.” (указаны основные центры), “Трапезундская империя (1204–1461)” (с ее городами и поселениями) и цветная “Этнолингвистическая карта-реконструкция национальных торговых маршрутов” (на карту нанесены со средневековых морских карт флаги городов и стран Причерноморья). В книге 74 иллюстрации-фотографии памятников Трапезунда и видов города (19 фото – цветные).

Первая часть списка библиографии охватывает перечень использованных в книге источников, включая материалы архивов Генуи и Венеции, в том числе неизданные рукописи (с. 507–531), вторая – научную литературу на 15 языках (с. 531–581). Книгу завершает объединенный указатель имен и географических названий (с. 582–618).

Введение свидетельствует об одной из граней обширной эрудиции автора: ему известны не только весь корпус доступных в данное время источников (включая архивные), но и ведущаяся учеными работа над изданиями еще не введенных в научный оборот материалов и над критическими переизданиями некогда уже опубликованных.

Сергей Павлович справедливо полагает, что история Т. и. (а до этого – история Понта) представляет большой научный интерес и как редкий случай исключительной “живучести” сохранившегося в экстремальных условиях в течение двух с половиной веков независимости небольшого региона – “осколка” бывшей Византийской империи, и как исторический пример государства с немногочисленным населением, которое тем не менее играло существенную экономическую и политическую роль в судьбах средневекового Ближнего Востока, Кавказа и крупнейших торговых “империй” того времени (Генуи и Венеции).

Из 18-ти глав первые пять (а вместе с 7-й главой о церкви Трапезунда – шесть) – проблемно-тематические, посвященные истории региона до 1204 г., образованию Т. и. и ее внутренней истории. Среди глав, представляющих широкую панораму внешнеполитических связей Т. и., одна глава (12-я – об отношениях Трапезунда с Востоком), написана Р.М. Шукуровым (автор пригласил его как наиболее компетентного ученого для освещения данной темы – с. 12).

Глава 1-я (с. 33–83) почти равновелика каждой из трех центральных – об отношениях Т. и. с Венецией, Генуей и Востоком. В ней в сжатой форме изложена история Понта с древнейших времен до Четвертого крестового похода. Весьма удачна здесь и справка о ландшафте, климате, флоре и фауне региона, позволяющая определить место природных факторов в формировании и истории Т. и. Основная идея главы состоит в обосновании вывода о том, что уже в давнем прошлом Понта и византийской фемы Халдия имели место тенденции к самоорганизации данного ареала в политически самостоятельную структуру.

Глава 2-я (с. 84–111) посвящена образованию Т. и. Она распадается на две части: в первой идет речь о консолидации региона вокруг Трапезунда при поддержке оказавшегося беззащитным перед внешней угрозой населения, осознавшего, что только независимое государство даст надежду на самосохранение в условиях распада вековых связей между провинциями разрушенной Византии. Автор показал, что суждение о прямом участии в формировании Т. и. военных сил грузинской царицы Тамар – историографическое заблуждение. Грузия была для первых Комнинов в Трапезунде (Алексея и Давида) лишь гарантом от вмешательства соседей Трапезунда. Во второй части главы рассказано о попытке Т. и. выступить в качестве претендента на византийское наследство и на ведущую роль в борьбе за восстановление Византии.

Автор убедительно показал, что 11-летний процесс становления государства был успешным только потому, что Комнины воссоздавали в данном регионе социально-политическую систему как “Малую Византию”, как анклав, основанный на ее бывших фемных институтах (дополняемых отныне моделью учреждений имперского центра), на ее законах, системе социальных связей и духовных традициях. Завершился этот период в 1214 г., когда в ходе неудачной борьбы с Никеей и сельджуками за крупный город, гавань и крепость Синоп, отрезавший Трапезунд от основного массива земель с греческим населением, пришло отрезвление: императоры Трапезунда осознали, что ведущая роль в борьбе за византийское наследство превосходит их силы и что отныне подвластному им региону, окруженному этнически и конфессионально чуждым населением, предстоит выживать в одиночку, без серьезных надежд на помощь извне (эпизодическое возвращение Синопа под власть Трапезунда в 1254 и 1265 гг. не меняло ситуацию). Именно поэтому патроном-покровителем Т. и. был избран местный святой Евгений (с. 109–111).

Глава 3-я (с. 112–155) (одна из самых интересных в книге) трактует вопрос о социально-экономическом развитии Понтийской области в XIII–XV вв. Ярко выраженной спецификой сельского хозяйства была здесь ориентация на всемирное развитие виноградарства ввиду высокой рентабельности этой отрасли после смены торговых путей и превращения Трапезунда в крупный международный центр торговли вином и посреднической торговли между Востоком и Западом. Эволюция аграрного строя Т. и. в значительной мере соответствовала той, которая имела место в других бывших византийских провинциях (в том числе в Никейской империи, а затем, с 1261 г. – в восстановленной Византии). Узловыми проблемами и здесь были развитие иммунитета частных поместий и условного землевладения, наступление динатов на общину и попытки верховной власти защитить ее.

Специфика состояла в некотором запоздании общих процессов эволюции аграрного режима сравнительно с византийской территорией (более прочными были здесь общинные связи, государство в большей мере контролировало положение частных париков, даже привлекая их к вспомогательной сторожевой службе, более результативной была политика верховной власти по ограничению роста крупного землевладения). Хотя суждение в науке о полном упадке мореплавания в Трапезунде ошибочно, ведущая роль в торговле и в экономике региона в целом все более переходила к итальянским торговым республикам.

Содержанием главы 4-й (с. 156–165) является административная структура, право и власть в Т. и. Система управления была здесь сознательно ориентирована на воссоздание более архаичных (“комниновских”) институтов бывшей Византии. Объяснялось это чисто политическими причинами – стремлением противопоставить комниновскую империю как наиболее “законную” палеологовской, “узурпаторской”. Сравнительно более сильными были здесь позиции центральной власти, более независимым высший суд, успешнее борьба с произволом архонтов на местах и сепаратистскими устремлениями магнатов. Заинтересованность верхов в сохранении социального мира объяснима геополитическим положением Т. и. в окружении сильных, этнически и конфессионально чуждых врагов.

В главе 5-й (с. 166–185) идет речь о внутривизантийских противоречиях и о социальной борьбе в Т. и. Глава невелика, так как, в согласии со сказанным в 4-й главе, материал по данной теме действительно невелик. В условиях острой опасности иноземного завоевания внешний фактор обретал значение и внутреннего, обуславливающего вынужденную консолидацию разных социальных слоев. Оппозиция магнатов подавлялась через конфискации крупных имений, укрепление императорского домена и – распределение его фонда – через систему проний (условных держаний от казны) среди сторонников правящей семьи. Политика эта находила одобрение широких общественных кругов. Т. и. избегала и феодальной раздробленности, и крестьянских восстаний. Несмотря на вмешательство знати (с присущей ей здесь архаичной клановой структурой) в династические распри (они в XIV в. характерны и для воссозданной Византии), императоры умели обуздывать магнатов и преодолевать попытки вмешательств в борьбу на их стороне итальянцев.

В главе 6-й (с. 185–212) “Т. и. и Византия” Сергей Павлович исследует их отношения как связь “младшего родственника” со своей *alma mater*. От первоначальных претензий на византийское наследство пришлось окончательно отказаться в 1282 г. (было изъято из титула “императора” определение “ромеев”). Пришло понимание и того, что ни Никей, ни Константинополь уже не могут реально помогать Т. и. Было ясно, что их помощь была невозможной даже в том случае, если бы Трапезунд оказался в составе Никейской (а затем Византийской)

империи. Постепенно со второй половины XIV в. между Т. и. и Византией установились дружеские отношения, однако открыто оказывать поддержку друг другу они не могли, опасаясь враждебной реакции османов. Единство православного мира поддерживалось в этот период через Афон как общую святыню и культурный центр.

В главе 7-й (с. 213–226) “Церковь Т. и.” показаны тесные связи церковью Трапезунда и Византии (менее политизированные, чем государственные). Церковь Трапезунда всегда находилась под канонической юрисдикцией Константинопольского патриархата. Усилению роли митрополии в жизни Т. и., вполне понятному в условиях иноверного окружения, содействовал и патриарх: росло число епископий Т. и. (с 5-ти в византийскую эпоху до 18-ти в XV в.). В 1260 г. патриарх повысил статус церкви Трапезунда: она получала право избирать митрополита на соборе епископов. Тем не менее с начала и до конца главным патроном Т. и. оставался св. Евгений – местный святой, символизовавший независимость и государства и его церкви.

Глава 8-я (с. 227–275) – одна из важнейших в книге: она посвящена отношениям Т. и. с Венецианской республикой. Отношения с нею – именно тот сюжет, в изучении которого особенно интенсивно (как и в главе 9) использованы архивы Венеции и Генуи. Автор обнаруживает и впервые вводит в научный оборот свежие факты (мало известные или неизвестные вообще данные о межгосударственных соглашениях, о торговых операциях, об особенностях структуры итальянских факторий в Трапезунде и т.п.). Сергей Павлович показал, что итальянские фактории в Трапезунде были совершенно независимы от местных властей.

В этой главе автор более широко привлекает свои предшествующие исследования. Подкрепляя их новым материалом, он обосновал вывод, что урон от международных неурядиц, потери от превратностей морских предприятий и убытки от торговых пошлин (периодически вводимых или эпизодически повышаемых властями Трапезунда) намного уступали выгодам, извлекаемым Венецией (и Генуей) как из торговли на рынках самого Трапезунда, так и при использовании его в качестве опорной базы в посреднической заморской торговле.

Характерно, что иноземцы чувствовали себя здесь настолько комфортно, что воспроизвели в своей трапезундской фактории структуру и порядки метрополии (при этом Сергей Павлович устанавливает, что торговые и финансовые операции венецианцев были лучше организованы, чем генуэзские, но уступали им по масштабам). Для сопоставления состояния казны Трапезунда с положением богатеющих за его счет венецианских негоциантов автор приводит выразительный факт: расходы для изготовления богато, согласно обязательному формуляру, украшенного хрисовула о даровании очередных льгот венецианцам в 1267 г. они должны были взять на себя (с. 267).

Глава 9-я (с. 276–315) – об отношениях Т. и. с Генуей, главным торгово-политическим партнером империи и кредитором, глубоко укоренившимся в экономику и социальную структуру Т. и. Генуэзцы даже занимали должности в чиновном аппарате Трапезунда и служили на имперском флоте как воины и матросы. Эта глава особенно богата новым материалом, так как именно архивы Генуи обстоятельно изучены автором. В силу того, что Сергей Павлович проявлял внимание не только к данным о самих генуэзских факториях – объекта преимущественного внимания итальянских ученых, но и к простирающемуся к северу и северо-западу от Черного и Азовского морей региону, ему удалось заполнить здесь немало “белых пятен”.

Генуэзцы вмешивались во внутренние дела Т. и. и в династические войны, не останавливались перед военными действиями против Трапезунда, как это случилось в 1348–1349 гг., когда они сочли, что император нарушил дарованные им ранее привилегии (к числу “законных” льгот они относили и те, которые получили еще от византийских императоров).

Закономерен вывод автора о ненависти жителей Трапезунда к итальянским негоциантам: условия их торговли были лучше, чем у отечественных купцов, под свои фактории, склады и гавани они получали лучшие участки, конкуренция их товаров была непосильна для купцов Трапезунда. Генуэзцы завладели и всей посреднической торговлей Трапезунда с Кавказом и странами Востока. Лишь после захвата турками Константинополя, а затем и Трапезунда и превращения Черного моря во внутреннее озеро Османской державы торговля Генуи и Венеции в данном регионе утратила значение (угроза такого исхода дел, видимо, не осознавалась итальянцами).

В главе 10-й (с. 316–338) на широком фоне отношений Запада с Востоком (прежде всего с Византией) рассмотрены перипетии связей Трапезунда с папским Римом, начавшихся с середины XIII в. по инициативе папы. История этих отношений свидетельствует о том, что в них был более заинтересован Рим, чем Т. и. Она была посредствующим звеном для продвижения

католических миссий на Кавказ и Восток, для интриг с целью склонить греков к унии и для поиска союзников в деле организации новых крестовых походов. Кроме того, и само католическое духовенство итальянских колоний извлекало прибыль из торговли в Трапезунде. В вопросе об унии императоры и церковь Трапезунда заняли резко отрицательную позицию. Лионскую унию 1274 г. епископ Трапезунда не подписал. (Не случайно Трапезунд вступил в союз с Византией только в 1282 г., когда стало ясно, что уния провалилась.) Позднее в вопросе об унии Трапезунд шел в фарватере политики Византии, дорожа более всего сохранением добрых отношений с нею.

Глава 11-я (с. 339–356) посвящена отношениям Т. и с государствами Западной Европы. Глава бедна материалом, так как бедны событиями были в этом случае и связи Трапезунда (торговые операции западных держав с Трапезундом были скромными и эпизодическими). Как самостоятельный очерк глава включена в книгу по четырем причинам: во-первых, для того, чтобы охватить всю панораму внешнеполитических связей Т. и., во-вторых, чтобы проиллюстрировать вырождение идеи крестовых походов в идею отпора османам, в-третьих, чтобы показать эгоистическую позицию правящих кругов Запада в отношении к Трапезунду и столице Византии и, наконец, в-четвертых, чтобы ввести в научный оборот новые документы (с. 348).

В главе 12-й (с. 357–403) рассмотрены отношения Т. и со странами Востока. Написана она, как упоминалось, Р.М. Шужуровым. Однако ее идеи Сергей Павлович разделяет, и глава органически согласована со всем контекстом книги. Мало того, эта глава – одна из важнейших концептуальных частей монографии. Автор показал изворотливость трапезундской дипломатии, обеспечившей ей в окружении сильных и чуждых по культуре соседей два с половиной столетия независимого существования. За ландшафтом региона признана также не последняя роль. В частности, Трапезунд был не затронут разрушительным нашествием кочевых племен, которому подверглись территории к югу от его границ. Что же касается оседлых турок, образовавших после распада Иконийского султаната ряд карликовых бейликов, то, с одной стороны, проникающие на земли Т. и. тюркоязычные пришельцы ассимилировались греками, а с другой – опасность с их стороны императоры Трапезунда умели устранять с помощью дипломатии. Тем не менее медленная, латентная тюркизация населенных греками регионов Малой Азии стала, на взгляд автора, одной из причин поражения византийской (и вообще грекоязычной) государственности в Малой Азии.

Ситуацию на полуострове в целом изменило вторжение монголов. Эпоха карликовых бейликов закончилась. Трапезунд признал свою зависимость от монголов и стал платить им дань. Но и в этих условиях он сумел найти нишу для дальнейшего существования, играя роль моста между Востоком и Западом. Постепенно выросла и стала главной османская угроза. Только удар по их державе Тимура в 1402 г. отсрочил падение и Константинополя, и Трапезунда. Перемена в ориентации интересов монголов вновь сделала османскую угрозу главной. После захвата османами Константинополя падение Трапезунда стало вопросом нескольких лет.

Глава 13-я (с. 404–411) посвящена отношениям Трапезунда с народами Кавказа. Ее центральная идея состоит в опровержении широко распространенного в ученых кругах мнения о решающей роли сил грузинской царицы Тамар в основании Т. и. и о существенном влиянии культуры Грузии на Трапезунд. На деле царица лишь содействовала становлению Т. и., гарантируя ее от нападения соседних княжеств; Т. и. никогда не была ни данником, ни вассалом Грузии. А что касается культурного влияния, то более заметным было влияние Т. и. на Грузию, чем ее влияние на Т. и.

Глава 14-я (с. 412–419) об эпизодических связях Т. и. с Крымом и славянскими странами Балкан и глава 15-я (420–428) о связях Трапезунда с Русью – самые небольшие по объему. Они – свидетельство усилий автора охватить весь orbis terrarum, все страны, имевшие хотя бы косвенные контакты с Трапезундом. Доминирующая при этом мысль: сам Трапезунд искал всюду средства выживания – возможность привлечь союзников и защитников, играя на противоречиях и стремясь заинтересовать собой внешние силы, какими бы они ни были.

Редкие известия русских источников о Трапезунде позволяют заключить, что на Руси Т. и. уже в XIII в. рассматривали не как часть или как наследницу Византии, а как самостоятельную православную страну, нуждающуюся в помощи. Однако большая часть собранных данных о связях Трапезунда с Русью относится к византийской эпохе, когда он был столицей фемы Халдия.

В главе 16-й (с. 429–442) “Падение Т. и.” рассмотрен последний период ее существования (с конца XIV в. до 1461 г.). Сергей Павлович показал, что после захвата Константинополя Мехмед II видел в Трапезунде последнее препятствие на пути на Кавказ. К этому времени у части правящих кругов Трапезунда возникли капитулянтские настроения. Утверждалась мысль, что сопротивление османам абсолютно невозможно. В августе 1461 г. (точная дата – предмет дискуссии) Трапезунд сам открыл ворота врагу. Добровольная сдача не избавила горожан от грабежа, убийств и пленений, а затем – и от насильственной депортации значительной части греческого населения в отдаленные от родины места.

Глава 17-я (с. 443–483) “Культура Трапезунда” – одна из самых интересных. В согласии с мнением самих современников, автор показал, что культура Трапезунда, по сути дела, – ветвь византийской и развивалась в тесном контакте с нею (прежде всего с Афоном и культурными кругами Константинополя). Особенно глубоко эта связь отразилась в народных пластах культуры, в частности в фольклоре, тогда как в ее высоких сферах (в архитектуре и живописи) заметна тенденция к сознательной архаизации, к образцам искусства комниновского периода: подчеркивались династические связи императоров Трапезунда с некогда правившим Византией августейшим домом. Пронизанная идеями православия культура Трапезунда служила в то время также одним из важных факторов выживания.

Характерно, что эпоха безвременья, уныния и растерянности общества перед роковым ходом событий в большей мере, чем экономические трудности, порождали упадничество и цинизм даже в кругах высшей знати. Политический деятель и ученый Георгий Амируци не скрывал свою капитулянтскую позицию: он отрицал идею мученичества за веру как высокий христианский подвиг (по его совету и были открыты ворота Трапезунда османам).

Глава 18-я (с. 484–492) посвящена Трапезундской легенде в восприятии современников и потомков. Т. и. была окружена сказочным ореолом, бродила молва, особенно в рыцарской литературе, о ее богатствах, о ее тайнах и скрытых силах. Уже в сознании людей того времени эта маленькая стойкая страна предстала как осколок могучей древней империи.

В заключении (с. 493–496) кратко повторены основные причины длительного сохранения и падения Т. и., которая к XV в. парадоксальным образом оказалась самым крупным греческим государством. Оно могло бы уцелеть, опираясь на сильного союзника и покровителя. Но такого, однако, не оказалось в течение всего существования Т. и. От Византии Трапезунд был отрезан уже в конце XIII в. непреодолимыми расстояниями. Поддержка Грузии была недостаточной. Позиция итальянских торговых республик была сугубо корыстной. Латентная тюркизация не поддавалась ни контролю, ни ограничению. Последние силы Т. и. были подорваны гражданскими войнами 1340-х годов и последовавшим общеевропейским кризисом.

Совершенное знание источников, их всесторонняя критика, глубокое знакомство с литературой, подвергнутой анализу и оценке со свойственными автору корректностью и деликатностью, последовательное следование заявленному во введении принципу – строго отделять выводы, уверенно вытекающие из источников, от предположений и гипотез, тщательный пересмотр своих изданных в течение истекшего 30-летия работ, сопровождающийся уточнениями и дополнениями, – все это и многое другое сделали труд Сергея Павловича крупным событием в современной российской византистике и итальянистике.

Автор внимательно изучил те стороны истории Трапезунда, которые ранее исследователи (по крайней мере советские) оставляли в тени, например, проявления относительной либерализации внутренней политике центральной власти и судопроизводства Трапезунда, отсутствие в его истории таких общих явлений в средневековой истории, как феодальная раздробленность и крупные крестьянские восстания, и, напротив, оформление на значительный период союза верховной власти с широкими сословиями горожан в борьбе с сепаратизмом магнатов.

Тщательно выявил автор все те явления в социально-экономической, общественной и политической жизни Трапезунда, которые имели прямые аналоги в истории Византии того же периода. Убедительно показано повышенное значение в конкретных условиях жизни Т. и. конфессионального фактора и непрерывной культурной и идейной связи Т. и. с Византией и Афоном как крупнейшим центром православия.

Удалось автору обосновать и введенную им периодизацию истории Т. и. Он делит ее на 5 этапов: 1-й (1204–1214) – становление в борьбе одновременно с Никейской империей и сельджуками и претензии на роль главного наследника Византийской империи; 2-й (1214–1280) – борьба за выживание в условиях усложнившейся внешнеполитической ситуации и одновременно быстро прогрессирующей итальянизации финансов и торговли Трапезунда;

3-й (1281–1340) – отказ от борьбы за высший престиж в обмен на признание независимости со стороны возрожденной Византийской империи; 4-й (середина – конец XIV в.) – упадок, гражданские и династические войны на фоне общеевразийского кризиса; 5-й (конец XIV в. – 1461 г.) – последние тщетные усилия в борьбе за самосохранение.

Автор поддерживает мнение, согласно которому история Трапезунда – это непрерывное развитие исторических судеб эллинского Понта, формирование которого в силу специфических условий региона восходит к глубокой древности. Имели значение состояние изоляции, “брошенности” во враждебном или постоянно этнически и культурно чуждом окружении, необходимость веками рассчитывать только на свои силы. Все это уже в византийскую эпоху порождало тенденции к развитию местного регионализма, который не может быть идентифицирован с сепаратизмом (центр зачастую либо не мог, либо просто не успевал прийти на помощь). Сплочение вокруг центральной власти, своего рода государственный патриотизм, был свойствен здесь также и иноэтничным группам среди населения Трапезунда, так как представление о своем независимом государстве как условии спасения было всеобщим. Восточный (грузинский и персо-тюркский) культурный колорит не лишал жителей Т. и. главного в их культурном облике – черт эллино-византийской культурной общности.

Вполне объективно из исследования автора следует также вывод о том, что история Т. и. является ярким свидетельством живучести византийской системы провинциального управления: инфраструктура фемы Халдия стала основой новой государственной системы.

Книга столь сложна по композиции, в ней рассмотрено столь много событий, столь много проблем, упомянуто столь много действующих лиц, топонимов и технических терминов, что читателю не всегда легко разобратся в этом калейдоскопе. Местами книга кажется перегруженной фактами (наряду с существенными здесь немало второстепенных, не подвергнутых оценкам). Неудивительно поэтому, что различные аспекты раскрыты с разной глубиной. Приводимые ниже замечания представляют собой, однако, скорее размышления и пожелания заинтересованного читателя, чем возражения равного по компетентности с автором специалиста в истории итальянских торговых республик и в “восточном вопросе”.

Прежде всего как-то затерялись мелком оброненные, не акцентированные и интригующие суждения о том, что все население Т. и. не превышало 30-ти тысяч человек, а самого города – 5–6 тысяч (с. 153, 350). По-видимому, эти оценки не соответствовали действительности и заслуживали бы комментария автора. Следовало бы пояснить также, что обозначение этого государственного образования как “империя” можно принять с известными оговорками: действительно, династические традиции того времени позволяли ее первым правителям венчаться и величаться “императорами”, имперские черты были присущи и государственной структуре Т. и. Среди них отсутствовал, однако, один из главных феноменов любой империи – наличие в ее составе территорий с компактным иноэтничным (по отношению к государствообразующему) населением. “Имперская модель” была скорее копией византийской, чем самостоятельно исторически сложившейся системой. Именно как “микроимперия”, надстроенная над инфраструктурой одной из провинций разгромленной крестоносцами Византии, Т. и. и проявила исключительную способность к выживанию.

С некоторыми оговорками мы принимаем также и тезис о том, что так называемая “латентная” (незаметная, “ползучая”) тюркизация явилась одной из причин заката Т. и. Мы скажем бы, что это положение, может быть, согласно приводимому в книге материалу, в большей мере справедливо в отношении не Т. и., а провинций Византии, лежащих к югу и западу от отгораживающей Т. и. цепи гор. В самой же Т. и. она, на наш взгляд, проявлялась “особенно латентно”. Именно в Т. и. эллинизм оказался наиболее устойчивым (“тренированным на выносливость”). Местная греческая среда с успехом растворяла и адаптировала иноязычные и инокультурные группы (с. 113, 180, 359). Они были здесь столь малочисленны, что источники молчат о какой бы то ни было их враждебности к верховной власти или, если такая позиция имела место, она не заслуживала упоминания.

Принять в отношении к Трапезунду упомянутый тезис Р.М. Шукурова можно, вероятно, лишь допустив, что лежащие по соседству с Т. и. бывшие византийские земли в результате латентной тюркизации перестали служить для Трапезунда источником *возможного* притока в него дополнительных материальных и людских ресурсов. Население бывших византийских владений с увеличением тюркских элементов оказалось если не враждебным, то совершенно равнодушным к судьбам и Т. и., и самой Византии.

Напротив, в книге недооценены, по нашему мнению, пагубные последствия итальянской колонизации. Автор упоминает об эгоистическом характере торговой деятельности в Трапезунде и венецианских, и генуэзских негоциантов. Он говорит и о ненависти к ним горожан Трапезунда, и о ее причинах (с. 276, 287–291, 296). Однако он не включает этот фактор как один из главных в перечень причин его упадка (с. 493–496). Между тем и здесь, как и в Константинополе, итальянские купцы уподобились плохому хозяину, который “режет курицу, несущую золотые яйца”. Автор описал широту торговых операций итальянцев. Но он не упомянул о том, что они вкладывали капиталы только в посредническую торговлю и только в сбыт собственных товаров. Процесс этот был явно не стихийным: иноземцы прямо преследовали цель удушения местного ремесла и торговли.

Автор приводит данные о том, сколь велики были долги императоров Трапезунда итальянцам (в особенности Генуе), но не акцентирует внимание на том, что долги императоров Трапезунда Генуе были “свидетельством отчаяния”, что в бедственном состоянии казны Трапезунда в немалой мере были повинны те же итальянцы, понимавшие, что иных кредиторов, кроме них, верховная власть Т. и. не имела и иметь не могла. Благодаря льготам, предоставленным императорами Трапезунда, итальянцы получали от торговли в нем прибыли, многократно превосходившие все и всякие долги его правителей генуэзцам. Отделяя малую часть от упомянутых прибылей, Генуя давала их тем же императорам в долг под проценты, связывая тем самым руки правителям Трапезунда в их и внешней, и внутренней политике.

Более определенным и более значимым в образовании Т. и. мы склонны (среди прочих причин) считать осознанное и целенаправленное стремление населения этого региона, подобного которому по его защищенности природой не было на Малоазийском полуострове на несколько сот километров в округе, утвердить и беречь свою государственную независимость. Закрытость, а порой и самоизоляция населения региона были не столько добровольными, сколько вынужденными. В связи с этим есть, кажется, опасность переоценивать значение сохранявшихся древних традиций эллинизма и изоляционизма у населения данного региона. Автор проявляет как будто склонность к защите совершенно, по нашему мнению, неприемлемого тезиса о том, что регионализм был тогда исторически более прогрессивным явлением (с. 93–94). Не вдаваясь в теоретические соображения на этот счет, заметим, что в условиях поздней Византии, по крайней мере в Малой Азии, перед лицом исламской угрозы регионализм был смерти подобен.

Считаем упущением отсутствие в книге необходимых пояснений к перипетиям торговли в Трапезунде зерном (с. 140, 276, 413, 421 и др.). В ряде мест говорится и о вывозе зерна из Трапезунда в разных направлениях: то в Крым, то в Константинополь, то на Кавказ и о ввозе зерна в него: то из Болгарии, то с Руси, то с Кавказа. Между тем о резких ежегодных колебаниях урожайности зерновых в разных странах и регионах Причерноморья как о главной причине перемен в направлениях (порой прямо противоположных) ввоза и вывоза зерна специально рассказано в других работах автора (см., например: *Карнов С.П.* Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. // ВВ. 1989. Т. 50. Р. 26–35).

Хотелось бы видеть более убедительной аргументацию для утверждений, что в XIV–XV вв. хлеб везли в бассейн Черного моря с Руси. Действительно, Днепровский путь из-за порогов не позволял, справедливо отмечает автор, сплав крупногабаритных грузов (а таким грузом является и зерно), действительно, есть данные о том, что после битвы на Калке (1223) и падения Киева (1240) в торговле с Русью стал преобладать путь по Оке и Дону (Северскому Донцу?), затем к Тане, в Крым и далее в бассейн Черного моря (с. 421–422). Однако, как и в случае с Болгарией, и здесь нет известий о ввозе в Трапезунд.

Именно русского хлеба, хотя бы через генуэзское посредство.

Сергей Павлович считает спецификой Т. и., что стась здесь – не хозяйство парной семьи, а сложный семейный комплекс (с. 159–160), но ныне доказано – это явление имеет место и в Византии.

Следовало бы все-таки не просто отвергнуть (с. 229, 233, 235), а опровергнуть широко распространенное мнение о факториях Генуи на крымских берегах и на Дону уже в конце XII в. Мнение это опирается на хрисовул Мануила I Комнина (1143–1180), открывшего генуэзцам доступ в Черное море (см. заметку О. Прицака в Оксфордском словаре. Т. 3. С. 2009). Сергей Павлович, к сожалению, не показав причины заблуждения ученых, уверенно пишет, что “дверь” в Черное море “распахнул” Генуе только Михаил VIII Палеолог по Нимфейскому договору 1261 г. (с. 276).

Автор довольно уклончив в оценке фигуры Георгия Амируци, хотя сам же упоминает, что уже современники обвиняли его в предательстве (с. 332, 434), которое, впрочем, не смягчило султана. Дружба Амируци с кардиналом Виссароном Никейским не служит ему в оправдание (с. 419, 467–472): сам Виссарийон стал князем католической церкви.

Представляется нелогичным объединение в одной главе рассказа об отношениях Трапезунда с Крымом и славянскими странами Балкан: логичнее было бы в одной главе говорить о Крыме и Руси, как в одной главе – о западноевропейских и славянских государствах на Балканах.

Следовало бы сослаться на недавнюю (?) новую статью Б.Л. Фонкича, в которой он передатировал свою же собственную старую датировку (XIV в.) на XIII в. как время написания в Трапезунде единственной сохранившейся рукописи Кекавмена (с. 212). Кстати говоря, верное прочтение надписи на этой рукописи о собственнице “госпоже Хатун” предложил не Б.Л. Фонкич, а Р.М. Бартикян (с. 212, 221, 418, 421, 476).

Автор следует иногда не принятой у нас манере оставлять без перевода или изложения целые фразы на греческом, латинском, староитальянском и др. (с. 293, 314, 438 и др.). Несмотря на огромный объем использованной литературы, здесь также встречаются упущения. Укажем на один случай: автор ссылается на данные жития Георгия Амастридского о набегах русов на южный берег Черного моря до 843 г.; однако достоверность этих свидетельств была подвергнута сомнению рядом ученых. В связи с этим следовало бы упомянуть работу И. Шевченко, защитившего этот памятник как исторический источник (*Ševčenko I. Hagiographie on the Iconoclast Period // Iconoclasm. Birmingham, 1977. P. 113–131*).

Автор не занял четкую позицию в отношении итаизма (в книге множество случаев написания имен и технических терминов с учетом и без учета этого фонетического феномена, как и оставленных без пояснения таких понятий, как квинтал, сансер, птохион, кентЕнарый, примик-Ерий, горчи, газы и т.п.). Не объяснены соотношения греческих и иных денежных знаков, как и меры веса и сыпучих тел. Непонятно, почему Сергей Павлович предпочитает обозначать греческую “литру” как “либру”. Диакритика в греческих текстах порой оставляет желать лучшего.

Жаль, что в книге нет предметно-терминологического указателя. Вызывает сожаление также отсутствие и списка правлений византийских императоров, который позволил бы легче ориентироваться в событиях, связанных с византийско-трапезундскими отношениями и ходом борьбы за восстановление Византийской империи: автор счел излишним назвать повелителей того целого (Византии), от которого отделилась часть (Трапезунд).

Приведенные нами выше спорные суждения и мелкие погрешности ни в коем случае не могут помешать самой высокой оценке труда: с полными к тому основаниями книга Сергея Павловича может быть определена как классический труд. Автор в основном исчерпал поставленную им проблему, и его труду суждено, несомненно, надолго остаться главным среди научных работ на данную тему.

Г. Г. Литаврин

Пашкин Н.Г. Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402–1438). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2007 (Серия “Античная древность и средние века”). 237 с.

Н.Г. Пашкин, ученик главы уральской школы византиноведения М.А. Поляковской, освещает в недавно вышедшей монографии отношения Византии и Запада в эпоху турецкого завоевания, охватывая сорокалетний период между битвой при Анкаре и Ферраро-Флорентийским собором. Выбирая объектом своего изучения один из самых драматичных периодов византийской истории, автор ставит своей целью проанализировать динамику византийской внешней политики в контексте политической и церковной жизни Европы первой половины XV в. По сути, монография Н.Г. Пашкина отвечает на весьма непростой вопрос: насколько оптимально были использованы ресурсы отношений между Византией и Западом для защиты империи от турецкой экспансии. Другими словами, книга позволяет по-новому взглянуть на те факторы поздневизантийской истории, которые в конечном итоге обусловили ее трагический финал.